

В лесных зарослях стояла удушающая жара, горная тропа была каменистой и неровной. Чэн Ваншу перелез через огромный валун, вытер пот и устало согнулся, оперевшись руками в колени.

— Почему мне кажется, что я целыми днями только и делаю, что карабкаюсь по горам? — с недоумением воскликнул он. — Почему до того, как стать попаданцем, я не замечал, что главная тема новеллы "Божественный путь культивации" заключается во фразе: "Движение — это жизнь"?

Чжао Умянь стоял в трех метрах от него. Его руки были заведены за спину, одежда развевалась на ветру.

— Уже почти пришли, — безразличным тоном произнес он.

— Ладно, ладно, иду.

Чэн Ваншу тяжело вздохнул, собрал последние силы и снова принялся карабкаться вверх, с пыхтением следуя за Чжао Умянем.

Они обогнули склон горы и вышли на узкую тропинку. Пройдя через шумящий сосновый бор, они увидели вдалеке невысокий приземистый валун, стоявший на пожухлой траве. Спереди на нем были выбиты три крупных иероглифа. Из-за многих лет под ветром и дождем они сильно стерлись, но слова "деревня Мэнъянь" все еще можно было разобрать.

Они наконец-то добрались до входа в деревню.

Присмотревшись, отсюда можно было различить ряды домов.

Время близилось к вечеру. Небо затянули тяжелые тучи, сгущались сумерки. Опустевшее поселение, где не было видно ни дыма над крышами, ни фигур людей, и не было слышно ни лая собак, ни крика петухов, выглядело необычайно зловеще.

Чжао Умянь повернулся к Чэн Ваншу и сказал:

— Держись поближе ко мне.

Чэн Ваншу тут же придвинулся вплотную к Чжао Умяню.

— Ты слишком высокого мнения обо мне. Думаешь, я посмею от тебя отойти?

Они оба вошли в деревню. По пути им не встретилось ни души, ни единого живого существа, только ледяной ветер, с завыванием пронесившийся мимо. Осматриваясь по сторонам, они видели обветшавшие дома вдоль дорог, поваленные деревянные заборы и буйные заросли сорняков.

— Странно, — пробормотал Чэн Ваншу, — куда подевались все жители?

Едва эти слова слетели с его губ, как он внезапно вспомнил, зачем они сюда пришли.

Чтобы найти яму с сотней мертвых тел.

Очередной порыв холодного ветра заставил Чэн Ваншу невольно задрожать.

Но именно этот ветер принес с собой запах крови и разложения, который уловил Чжао Умянь.

— Сюда.

Чжао Умянь схватил Чэн Ваншу за запястье и потащил за собой в ту сторону, откуда доносилось зловоние.

Они шли по деревенским улочкам, пока не вышли на окраину, к относительно ровному, заросшему густой травой пустырю. Тошнотворный запах крови и разложения стал еще сильнее.

Чжао Умянь резко остановился, из-за чего Чэн Ваншу, которого он вел за собой, едва не врезался ему в спину.

— А? Что такое? Там что-то есть? — спросил Чэн Ваншу.

Он выглянул из-за плеча Чжао Умяня и мгновенно умолк.

Впереди, посреди зарослей травы, зияла огромная яма.

Чэн Ваншу судорожно сглотнул и нервно спросил:

— Это... это и есть та самая яма с трупами?

Он боялся даже представить, что скрывается на ее дне.

— Подожди меня здесь, никуда не уходи, — сказал ему Чжао Умянь.

Чэн Ваншу послушно закивал.

— Не буду, я вообще с места сдвинуться боюсь.

Убедившись, что поблизости нет явной угрозы, Чжао Умянь отпустил руку Чэн Ваншу и пошел к яме.

— Ты осторожнее там! Если что, позови меня! — крикнул ему вслед Чэн Ваншу.

Чжао Умянь шаг за шагом приблизился к краю ямы. Когда он увидел, что там находится, даже у него на мгновение сузились зрачки и нахмурились брови.

Земля на дне ямы насквозь пропиталась густой темно-красной жижей. Все пространство внутри было заполнено раздувшимися, обезображенными телами, которые были навалены друг на друга. Среди них смутно угадывались фигуры стариков, детей, мужчин и женщин. Зрелище напоминало картины ада. При виде него холодела кровь в жилах, волосы вставали дыбом и подкашивались ноги. На это невозможно было смотреть без содрогания.

На самом деле еще в то время, когда караванщик упомянул, что жители деревни страдали сонливостью и стали похожи на безжизненных кукол, Чжао Умянь догадался, что произошло в деревне Мэнъянь.

В прошлой жизни ему доводилось слышать об одной жуткой и противоестественной темной технике. Практикующий эту технику должен был уничтожить свою физическую плоть, чтобы его душа покинула свое тело и захватила чужое.

Человек, в которого вселялся злодей, при этом погружался в пучину кошмаров. Если он не успевал вовремя вырваться из морока, его сознание и тело оказывались полностью захвачены

чужаком.

Эта запретная техника позволяла душе разорвать оковы законов мира и, теоретически, продлевать жизнь до бесконечности. Хотя такое злое искусство шло вразрез со всеми законами морали и сурово каралось, все равно находились безумцы, пытавшиеся его практиковать.

Судя по всему, деревня Мэнъянь столкнулась как раз с таким злодеем, следующим по темному пути.

У простых мирных людей не было культивации, поэтому они не могли выдержать силы этого темного заклинания. Вскоре после вселения чужой души они умирали страшной смертью — их тела лопались и истекали кровью.

И сейчас на дне этой ямы лежали ни в чем не повинные несчастные жители деревни Мэнъянь.

Чжао Умянь стоял на краю ямы, внимательно осматривая ее. Убедившись, что живых людей там не было, он повернулся, собираясь подойти к Чэн Ваншу.

Но в то же мгновение, как Чжао Умянь обернулся к Чэн Ваншу, его сердце будто сжала невидимая жестокая рука, и у него перехватило дыхание.

Всего в полуметре за спиной Чэн Ваншу стоял человек.

На нем была испачканная грязью и кровью одежда, в которой едва угадывался ее первоначальный белый цвет. Растрепанные волосы свисали спутанными прядями, лицо было бледным, как у покойника, а губы растянулись в жуткой, перекошенной усмешке.

Этот человек со зловещей улыбкой уставился на Чжао Умяня, направив острие меча прямо в шею Чэн Ваншу.

В этот миг не было ни ветерка, ни какого-либо звука, поэтому Чэн Ваншу не заметил ничего подозрительного. Он лишь увидел, как резко переменился в лице обернувшийся к нему Чжао Умянь.

Интуитивно почуяв неладное, Чэн Ваншу сделал полшага в сторону, чтобы посмотреть, что происходит у него за спиной.

Послышался свист, с которым клинок рассек воздух. Лезвие меча пронеслось у самого его лица. Еще немного, и оно порезало бы кожу.

Чэн Ваншу: ???

"Мать вашу, неужели мои предки на том свете только что обошли с мольбами всех богов, чтобы меня спасти?"

Прежде чем паника успела парализовать Чэн Ваншу, его подхватил яростный порыв ветра. Неведомая сила резко рванула его назад, в мгновение ока унося прочь от жуткого незнакомца.

Чэн Ваншу с размаху влетел в объятия Чжао Умяня, который крепко прижал его к себе, чтобы защитить.

Сердце Чэн Ваншу колотилось как барабан. Он был до смерти напуган.

— Не смотри в яму, — бросил несколько слов Чжао Умянь, похлопав Чэн Ваншу по спине.

В следующую секунду он переместился, оказавшись прямо перед тем ужасным человеком. Его фигура двигалась с призрачной легкостью, и ее окружала надменная аура, которая будто говорила: "Что за жалкое ничтожество посмело бесчинствовать у меня на глазах?"

Понимая, что начинается битва "бессмертных", Чэн Ваншу проявил завидную рассудительность. Размахивая кулаком, он громко крикнул:

— Мян-Мян, вперед! Размажь этого уроды! Покажи ему, где раки зимуют!

После этого он сразу же юркнул за ближайший валун и, осторожно высунув голову, принялся наблюдать за развитием событий.

Противник явно не ожидал, что культивация Чжао Умяня окажется намного выше его собственной. В его движениях, когда он поднял меч, промелькнула паника.

Глаза Чжао Умяня блеснули. Он с первого взгляда узнал оружие. Это был тот самый меч Чжаньмин, который он искал.

Губы Чжао Умяня изогнулись в презрительной усмешке. Его темные глаза наполнила абсолютная уверенность в победе.

Это был тот самый случай, когда "на ловца и зверь бежит".

Тот человек замахнулся мечом на Чжао Умяня. Его энергия меча была стремительной и яростной, несущей в себе грозную жажду убийства.

Однако Чжао Умянь остался неподвижно стоять на месте, спокойно дожидаясь, пока клинок опустится на него.

Когда меч Чжаньмин оказался всего в одном цуне от лица Чжао Умяня, он внезапно застыл в воздухе, словно наткнулся на невидимую железную стену.

На лице того человека отразилось крайнее замешательство и изумление.

Чжао Умянь слегка склонил голову набок, прижавшись щекой к лезвию меча. Его улыбка была холодной, как вековой лед.

Острый клинок порезал щеку Чжао Умяня, и капли алой крови окрасили меч Чжаньмин, а потом медленно впитались в него.

После этого от рукояти меча клубами черного тумана начала распространяться темная энергия, которая тонкими нитями обвила лезвие.

Тот человек почувствовал, как ладонь, сжимавшую рукоять меча, обожгло нестерпимой болью. Он поспешно выпустил из рук оружие и отступил на два шага. Взглянув на свою ладонь, он с ужасом увидел, что она была сожжена до мяса, а края раны почернели.

Чжао Умянь неторопливо протянул руку и схватил меч Чжаньмин, который парил в воздухе, дрожа с яростным звоном, как будто пытался разорвать невидимые оковы.

Черный туман всколыхнулся, обвился вокруг руки Чжао Умяня, словно змея, а потом сразу же развеялся.

Чжао Умянь поднял меч Чжаньмин и взмахнул им, рассекая воздух. Волна энергии меча

мгновенно пробила в земле глубокую трещину. Эта разрушительная мощь вызывала трепет.

Чжао Умянь пробормотал:

— Хорошо, хорошо, хорошо.

С каждым произнесенным словом тон его голоса становился все более торжествующим.

Тот человек наконец-то осознал, что ему не справиться с Чжао Умянем, и в панике бросился бежать.

Но стоило ему повернуться, как на него навалилась огромная тяжесть, словно гигантская ладонь с размаху припечатала его к земле, не давая пошевелиться.

Чжао Умянь медленно подошел к противнику, который беспомощно размахивал руками и ногами в тщетной попытке вырваться, но при этом выглядел таким же слабым и беспомощным, как зажатый в человеческих пальцах муравей.

Не тратя времени на лишние разговоры, Чжао Умянь поднял меч Чжаньмин, чтобы нанести смертельный удар.

Как раз в этот момент к нему бросился Чэн Ваншу, который остановил его.

Он намертво вцепился в руку Чжао Умяня и отчаянно завопил:

— Стой! Мян-Мян! Здесь что-то не так!

<http://bllate.org/book/16983/1701828>